

УДК 316.613.5

РОССИЙСКИЕ РЕФОРМАТОРЫ 1990-х ГОДОВ (ОПЫТ БИОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

© 2023 г. Р. Х. Симонян

МГИМО МИД России;

119454, г. Москва, просп. Вернадского, д. 76, корп. В.

Доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра европейских исследований Института международных исследований.

E-mail: simonyan.renald@yandex.ru

Поступила 14.06.2023

Аннотация. В новейшей истории торжество философского закона о возрастании субъективного фактора в общественном развитии приобретает особенно наглядный характер. В этих условиях психология становится все более востребованной. В статье рассматриваются психологические механизмы назначения первым президентом России Б. Ельциным заведующего экономическим отделом газеты “Правда” Е. Гайдара руководить проведением экономических реформ в России. На основе биографического метода с привлечением широкого источниковедческого и фактологического материала представлен психологический портрет Гайдара и его соратников. Показано, что результаты российских экономических реформ, проведенных в 1990-х годах, являются следствием человеческих качеств реформаторов — профессиональной компетенции, ценностных ориентаций и установок.

Ключевые слова: анализ текстов и продуктов деятельности, индивидуальные особенности, нравственные направленности личности.

DOI: 10.31857/S020595920029014-1

ВВЕДЕНИЕ (МОТИВАЦИЯ ВЫБОРА РЕФОРМАТОРОВ)

После распада СССР перед новой Россией стояла задача перехода от директивно-распределительной экономики к свободному рынку. В марте 1991 г. группой ведущих экономистов (С. Шаталин, Г. Явлинский, Н. Петраков и др.) была подготовлена программа перехода с условным названием “500 дней”. Дополненная 20 проектами законов в течение шести месяцев она обсуждалась на различных уровнях, прошла экспертизу и была поддержана широкой общественностью, руководителями предприятий, научным сообществом и получила высокую оценку международных экспертов. 11 сентября 1990 г. программа была принята Верховным Советом РСФСР. В соответствии с ней либерализация цен должна была произойти после демонаполизации производства, а приватизация начаться с малых активов — магазины, предприятия общественного питания и бытового обслуживания, затем предприятия легкой промышленности с постепенным переходом от малых к средним и в последнюю очередь — к крупным предприятиям.

Причем сначала должны были перейти в частные руки нерентабельные или малорентабельные предприятия, т.е. то, что было уже сделано в других постсоциалистических странах Европы.

Высокий авторитет одного из самых талантливых российских экономистов-рыночников академика С. Шаталина, которого коллеги называли “народным академиком”, был общепризнан отечественным и мировым научным сообществом, также как и авторитет академика Н. Петракова, основателя и директора Института проблем рынка АН СССР. Г. Явлинский, помимо авторства теоретических разработок, к тому времени обладал еще и практическим опытом руководства экономикой страны. В 1980-х годах он занимал ответственные посты заместителя премьер-министра и председателя Государственной комиссии по экономической реформе. Те же качества, сочетающие высокий теоретический уровень со знанием России и ее хозяйства, были присущи Б. Федорову, министру финансов РСФСР, Л. Григорьеву, заместителю министра экономики РСФСР, М. Задорнову, будущему министру финансов в правительстве Е. Примакова, и другим разработчикам программы.

Но первый президент России Б. Ельцин неожиданно для общественности России предпочел Е. Гайдара и его команду. Заместитель главного редактора газеты “Правда” Д. Валовой пишет: “Кандидатуру Гайдара Ельцину буквально навязал Г. Бурбулис. Зная, что он будет первой скрипкой в новом правительстве, не хотел приглашать профессионала или известного экономиста, чей авторитет довлел бы над первым вице-премьером, а предпочел никому неизвестного тогда Гайдара” [6, с. 237]. Это подтверждает и Л. Шевцова: “Важным обстоятельством было, конечно, знакомство Гайдара с Бурбулисом, который не только был ближайшим соратником Ельцина, но и фактически мозгом ельцинской команды” [35, с. 57]. Далее Л. Шевцова пишет, что важный мотив выбора Е. Гайдара — его политическая позиция, которая, в отличие от позиции авторов “500 дней”, предусматривающей сохранение экономических связей с союзными республиками, полностью соответствовала основной цели Ельцина — как можно скорее избавиться от конкуренции с Горбачевым, а для этого добиться независимости России, т.е. разрушения СССР. Ельцину нужна была полная власть, о чем он сам достаточно откровенно сообщал в своих мемуарах: «Помню, как мы с Львом Сухановым впервые вошли в кабинет Воротникова, бывшего до меня Председателем Верховного Совета РСФСР. Кабинет настолько огромный, что Лев Евгеньевич изумленно сказал: “Смотрите, Борис Николаевич, какой кабинет отхватили!” Ну и что? — подумал я. Ведь мы не просто кабинет, целую Россию отхватили!» [15, с. 33]. И здесь Гайдар оказался полезным: наряду с Бурбулисом и А. Козыревым он был наиболее активным участником Беловежского соглашения и автором текста, фиксирующего распад СССР, о чем сам подробно рассказывает [10].

Можно указать также и на историческую аналогию. И. Сталин, как впоследствии и Н. Хрущев, возвысили Т. Лысенко только потому, что тот обещал быстрый результат, чего, естественно, не мог позволить себе Н. Вавилов, потому что, как подлинный ученый, знал, что так не бывает. Гайдар же уверил Ельцина не просто в быстрых, а чрезвычайно быстрых успехах реформ — всего через полгода, т.е. к осени 1992 г. Это дало тогда основание Президенту РФ торжественно обещать россиянам “лечь на рельсы в случае неуспеха реформ”. Однако осенью стало еще хуже. По данным исследования ВЦИОМ, проведенного в октябре 1992 г., 23% россиян в то время жили за чертой бедности, 58% еле сводили концы с концами, 15% жили более-менее сносно и лишь 4% не ощущали проблем [7].

Первое, что сделали реформаторы, — отпустили цены, не проведя демонаполизацию производства товаров массового спроса. В условиях монополизированной экономики России это вызвало резкий скачок цен, которые стали недоступными для большинства россиян, и катастрофическое обесценивание сбережений, что для многих стало трагедией, как и весь период реформ 1990-х годов.

Время осуществления российских экономических реформ народом определено как “лихие девяностые”. После ордынского нашествия в истории нашей страны был только один период, получивший собственное имя, — начало XVII в. — “смутное время”. Смута — это хаос, раздоры, беспорядок. “Лихо” в русском лексиконе имеет и более четко обозначенное, и более негативное содержание: оно означает “зло”. Человеческое зло всегда имеет конкретное лицо. В условиях роста субъективного фактора в развитии общества взаимосвязь психологии и экономики возрастает, что убедительно показано в исследованиях А.Л. Журавлева и В.П. Позднякова [16].

РОССИЙСКИЕ РЕФОРМАТОРЫ 1990-х ГОДОВ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Цель статьи — на основе биографического метода, разработанного Б. Ананьевым в рамках теории индивидуальности и индивидуального психического развития [3], направленного на изучение личности как субъекта деятельности на жизненном пути [18], раскрыть механизмы и факторы развития личности, образующие целую систему детерминант, и представить читателю психологический портрет реформаторов.

В 1990-е годы команда Е. Гайдара и результаты их деятельности были в центре внимания не только российской, но и мировой общественности. Они взаимодействовали с огромным количеством людей, оценки которых составляют важную часть биографического исследования, да и сами реформаторы много и достаточно подробно и откровенно сообщали о себе (см., напр.: [1]).

Мемуары, наряду с дневниками и личными письмами, являются основным источником изучения психотипов личности. Также следует принять и оценку текстов, принадлежащих Е. Гайдару как ключ к пониманию его личности. За 16 лет пребывания во властных структурах он создал обширный библиографический массив: девять объемных монографий, статьи в журналах, аналитические записки, интервью. В его текстах значимые жизненные

события и мотивы действий получают убедительное освещение с точки зрения “активного деятеля истории”, в роли которого он себя позиционировал. Значительную часть их содержания Е. Гайдар посвящает теме, господствовавшей в его сознании, — своей роли в реформах 1990-х годов. Автобиографический текст — это реконструированная человеком его “история жизни”. Несмотря на “отредактированность”, этот текст проливает свет на поведение, установки, смысловые горизонты и версии событий [14]. В исследовании были использованы праксиметрические методы психологического анализа — способы изучения уже совершенных действий и анализ результатов деятельности реформаторов [34], прежде всего самого Гайдара, так как он был не только руководителем правительства реформаторов, но и идеологом реформ.

Как и все его соратники Гайдар относится к типу “кабинетных ученых”, о которых еще в 1936 г. писал немецкий социолог К. Манхейм: «Склонность к утрате связи с реальностью связана с их тенденцией не выходить за пределы своих ученых занятий и общаться лишь с себе подобными... Уединенность исследователя и его зависимость от публикаций позволяют ему составить лишь вторичное, не “из первых рук” мнение о социальных процессах. Эти люди долгое время остаются в неведении о происходящем» [20, с. 148–149].

В предисловии к автобиографической книге Гайдара “Дни поражений и побед” литературовед А. Архангельский, близко знавший автора, пишет: “Гайдар отражал чужие взгляды, как зеркальная поверхность” [10, с. 4]. Кабинетные экономисты слабо разбираются в том, что такое реальное хозяйство, принимая за высшую истину прочитанные ими книги. Они находятся под влиянием той, которую прочитали последней, полагая, что все богатство экономической теории заключено именно в ней. Сначала российские реформаторы читали Маркса — и были марксистами, последними были книги “чикагской экономической школы” М. Фридмана, сделавшие их монетаристами.

“Раз поверив в концепцию Милтона Фридмана, Гайдар готов идти за ним до конца, — пишет Ф. Бурлацкий. — Его не волнует ни падение производства и жизненного уровня, ни демографическая катастрофа, ни утрата рынков в бывших союзных республиках, в Восточной Европе, в других регионах мира. Гайдара вообще не занимает цена реформ. Пусть провалится страна, ее народ, только бы торжествовал принцип. При этом Гайдар ни в чем не раскаивается, ни о чем не жалеет,

нигде не видит своих провалов” [4, с. 230–231]. О. Давыдов, зам. главного редактора “Независимой газеты”, автор ряда биографических исследований, писал о Гайдаре: “Глухота к реальной жизни, органическое отсутствие анализа того, к каким последствиям могут привести его поступки, патологическое неразделение умозрительного и реального” [13, с. 214]. Нобелевский лауреат Дж. Стиглиц так характеризует реформаторов: “Величайший парадокс в том, что их взгляды на экономику были настолько искаженными, что они не сумели решить даже узкую задачу — увеличение темпов экономического роста. Вместо этого они добились глубочайшего экономического спада. Никакое переписывания истории этого не изменит” [32, с. 178].

Еще один фактор общности “младореформаторов”, как тогда называли правительство Е. Гайдара, — все они дети советской номенклатуры со стандартной служебной карьерой: школа, комсомол, институт, аспирантура, членство в КПСС, защита диссертации, работа в качестве научного сотрудника, участие в аппаратных совещаниях, подготовка информационно-аналитических документов — вся эта деятельность ограничена стенами служебных помещений. Один из самых успешных российских губернаторов М. Прусак свидетельствует: “Было очевидно, что правительство возглавили люди, совершенно оторванные от практики” [28, с. 14].

Но даже среди своих соратников Гайдар выделялся незнанием своей страны. А. Кох свидетельствует: “Гайдар вырос в золотой клетке. И он, конечно же, был весьма идеалистического представления о своем народе. И когда стал его узнавать, это было для него серьезным открытием” [2, с. 194].

Узкопрофессиональный подход как синдром научной ограниченности российских адептов “чикагской экономической школы” М. Фридмана к решению государственных проблем исключил их интерес не только к собственной стране, но и вообще к европейскому континенту. В Европе, в отличие от США, задают тон социальные государства и социально ориентированные экономики. При этом Европа обладает регионом, где социал-демократические ценности являются традиционными в течение почти двух веков. Это скандинавские страны и Финляндия — наши непосредственные соседи, общее свойство которых — традиция в стремлении к равенству. В советское время широко употребляемый термин “шведский социализм” подчеркивал эту особенность. Но стремление к равенству присуще и русскому национальному сознанию. Более того, в нашей ментальности — это одна из базовых ценностей. Социальная справедливость у нас

означает, по существу, тот же феномен равенства, только в более категорическом, можно сказать, даже сакральном выражении. Факт, который вызывает глубокое недоумение выбором российскими реформаторами модели капитализма — американской, ультралиберальной, совершенно чуждой российскому менталитету, в то время как рядом, по соседству успешно — и экономически, и общественно-политически — функционировала социал-демократическая модель, психологически близкая и приемлемая для России. Поэтому основная теоретико-методологическая проблема 1990-х годов — в коренном расхождении реалий экономической жизни и представлений о них людей, отвечавших за российскую экономику

Показательна оценка Гайдара того, кому он был обязан своим высоким назначением: “Именно Бурбулис свел меня с Б.Н. Ельциным, и он же, более чем кто-либо другой, причастен к тому варианту состава правительства реформ, которое начало свою работу в ноябре 1991 года”. Этот акт признательности завершается так: “Бурбулис хочет сам быть первым лицом и принимать самые ответственные решения” [10, с. 77]. Хотя, как это следует из текста, Бурбулис, имея только опыт преподавания научного коммунизма и никакого опыта руководства людьми, совершенно не подходил для такой роли. Так же Гайдар характеризует и одного из своих ближайших соратников, П. Авена: “Никогда не работал чиновником, ничем, кроме своего письменного стола, не заведовал” [10, с. 116]. К этому защитному механизму — **проекции**, когда вина за отвергаемые в себе качества бессознательно переносится на других, Гайдар прибегал тем чаще, чем очевиднее проявлялись последствия его реформ.

Научный руководитель созданного в июне 1992 г. правительством Гайдара университета “Высшая школа экономики” профессор Е.Г. Ясин — как охарактеризовала его “Российская газета”, “духовный учитель реформаторов, которых возглавлял Е. Гайдар” [8], утверждал: “Быть может, в стране нашелся бы еще десяток людей, которые бы знали все это лучше Гайдара. Но кроме знаний нужно было еще иметь и волю. Представим, что на месте Гайдара был бы человек, которого я очень уважаю — последний председатель Госплана СССР Юрий Маслюков. Он знал российскую промышленность лучше Гайдара. Но что это давало для решения задачи? Маслюков же не знал (именно так по тексту. — *Р.С.*), что нужно высвобождать цены, а потом терпеть. Он же не знал, что при этом нужно проводить жесткую финансовую политику, чего бы это ни стоило, стоять насмерть

и не слушать никого. А Гайдар все это знал” [37]. Ясин входил в самое близкое окружение Е. Гайдара, поэтому его высказывания являются чрезвычайно важными для понимания личности идеолога российской реформации.

Гайдар так писал о себе: “Нигде не чувствую себя так уютно, как в библиотеке, абсолютно не жажду избыточного общения с людьми” [10, с. 45] и сознавался: “Я как политик равен нулю. Мне больше нравится работа советника. Это мое, мне это удастся, я готов проводить исследования, создавать тексты, давать советы и т.д. Роль лидера для меня на редкость неудобна, внутренне не моя... Но так сложились обстоятельства, что я оказался лидером, а не советником” [12, с. 16.]. Тем не менее летом 1991 г. предложение Ельцина возглавить работу по переходу России к рынку Гайдар принял с огромным воодушевлением.

Ближайший соратник Гайдара П. Авен, анализируя выбор Ельцина, утверждал, что на него произвел впечатление волевой настрой Гайдара: “Ельцин почувствовал, что Гайдар очень хотел. Понимаешь, когда человек очень хочет, он будет больше стараться, эта его энергия и упорство влияют на твоё решение Гайдар очень хотел, ужасно хотел!” [2, с. 68].

Подобный взлет не мог не отразиться на самовосприятии политика: произошла подробно описанная психологами **сублимация психической энергии личности** [31, с. 57–58]. Мало кому известный заведующий отделом газеты становится руководителем правительства гигантской страны, да еще в период ее тектонических перемен. “Из советника я превратился в человека, принимающего государственные решения, — писал Гайдар. — И теперь тяжесть ответственности за страну, а значит, и за жизнь и судьбы миллионов людей легла на мои плечи” [10, с. 110–111], т.е. произошел **когнитивный диссонанс**, внутренний конфликт между несовместимыми друг с другом позициями личности — советника и политического лидера. Но тут же стремление найти комфортный выход из этого состояния: следуют параллели с Великими Французской и Русской революциями в пафосной тональности осознания своей предназначенности для высокой исторической роли. В первые годы реформации для Гайдара было характерно именно такое самовосприятие. Об этом свидетельствовал член его команды В. Машиц: “Я думаю, что Гайдар себя позиционировал в интервале от Кейнса до Эрхарда” [2, с. 149]. О завышенных притязаниях Гайдара сообщают П. Авен и А. Кох: “В 1991 г. приступая к реформам, Е. Гайдар хотел быть премьер-министром. Только! Поэтому 18 декабря 1992 г.,

когда Верховный Совет РФ выразил ему недоверие, он решительно отказался остаться первым замом у В. Черномырдина. Он хотел быть премьером, ему не хватало быть первым вице, и он твердо решил уйти. Как ему казалось, для будущего взлета» [2, с. 237].

Когнитивный диссонанс отражается и в выборе эпитафии для автобиографической книги «Дни поражений и побед» — строки из Б. Пастернака «Но поражения от победы ты сам не должен отличать». Этот эпитаф заставляет читателя старшего поколения вспомнить популярную в народе оценку декларируемых достижений КПСС позднесоветского периода — «что ни успех, то провал».

Завышенная самооценка (отмеченная Ясиным установка «никого не слушать») — родовое свойство младореформаторов. Возможно, оно сублимировалось моментом их биографий. Чубайс, Кох, Авен, Машиц, Вавилов, Нечаев, Минц недавно стали кандидатами, а Гайдар в канун своего назначения — доктором экономических наук, и постдиссертационный синдром — возгонка самооценки — в нем только усиливался. В ловушку завышенных притязаний Гайдар, как и члены его команды, попадал часто. Показателен эпизод с острым осетино-ингушским конфликтом в ноябре 1992 г., который он как глава правительства должен был разрешить. Вряд ли можно предположить, что образованный человек не понимал, что Кавказ — это самый сложный клубок исторических, этнических, территориальных, демографических, клановых, конфессиональных и других проблем. Словом, «Восток — дело тонкое», и человеку со стороны здесь очень многое будет непонятно. Тем не менее, едва ступив на кавказскую землю, куда он прибыл по заданию Ельцина, Гайдар в своей беспечной манере характеризовал одного из наиболее авторитетных руководителей этого региона: «Руслан Аушев, как мне стало ясно, не разобрался в ситуации» [10, с. 132].

Академик Н. Моисеев, характеризуя Гайдара, пишет: «Меня озадачила его “самодостаточность”». Как председатель Совета Академии наук по анализу критических ситуаций я 3 раза писал письма Гайдару с предложением услуг, но он на них даже не посчитал нужным ответить. Трижды наш Совет организовывал в Верховном Совете Российской Федерации слушания, и наши доклады направлялись в правительство. Но ни разу не было ответной реакции... В 1992 г. Гайдар стал стремительно продвигать “шоковую терапию”. При этом он говорил о том, что цены возрастут в 5–6 раз. Но академик А. Петров, владевший развернутой системой математических моделей российской экономики,

предсказывал повышение цен в 3–4 тыс. раз. А поскольку расчеты Петрова были строго обоснованы, я стал подозревать, что Гайдар просто вообще ничего не считал. Как я теперь понимаю, он и не мог считать, ибо это делать он не умел» [22]. В целом за 1992–1996 гг. индекс потребительских цен вырос в 2837 раз, а промышленной продукции — в 4055 раз.

Знания узкого специалиста и знания государственного деятеля — это совершенно разные уровни компетенций. Сохраняя зону комфорта, Гайдар пытался минимизировать это принципиальное различие, прибегая к аналогиям, часто некорректным. В качестве примера можно привести его суждения о ликвидации американцами режима Саддама Хусейна в Ираке: «Политики США знали, что режим аморален, они его уничтожили, разрушили его институты. Но они просто не могли оценить последствий реализации своих планов» [11, с. 12]. Гайдар акцентирует внимание читателя на трудности оценки последствий. Но американцы вторглись не только в чужую страну, но и в чужую цивилизацию, в чужую эпоху. В отличие от американцев, Гайдар и его правительство действовали в своей стране.

Незнание социальной среды, в которой находится человек, является источником **“социобоязни”**, бессознательным страхом перед ней. Это качество реформаторов наряду с теоретической некомпетентностью подметили работавшие в России американские экономисты: «Политика экономических преобразований потерпела провал из-за породившей ее смеси страха и невежества. Причины драмы в том, что эмоции типа параноидального страха (голода, гражданской войны, возвращения коммунистов) не были обузданы разумом — логикой и расчетом. В большой мере это произошло вследствие постыдной для интеллигенции слабости — невежества» [36, с. 64–65.] С этим связан и **внешний локус контроля** реформаторов: все свои неудачи они объясняли неблагоприятной социальной средой, прежде всего неготовностью российского народа к реформам.

Завышенная самооценка и самодостаточность реформаторов объясняет то, что в отличие от программы “500 дней” программа предстоящих реформ Гайдара нигде не обсуждалась. Трудно в это поверить, но в планы реформаторов не были посвящены даже члены правительства. О них не знал даже тогдашний министр информации М. Полторанин, о чем он подробно писал [27, с. 239–240]. Реализация этих планов оказалась для страны драматической.

30 лет назад наши гражданские самолеты отвечали техническим требованиям того времени,

а по многим показателям были лучшими. Первый в мире пассажирский самолет с реактивным двигателем — ТУ-104 — появился в нашей стране в 1956 г., на два года раньше американского Боинга-707. На широкофюзеляжном ИЛ-86, появившемся на восемь лет раньше евросоюзского Аэробуса, было установлено 19 мировых рекордов по дальности и грузоподъемности. В апреле 1992 г. генеральный конструктор ОКБ им. С.В. Ильюшина академик Г. Новожилов на просьбу к Гайдари поддержать авиапром получил ответ: “Этому монстру нет места в новой России”. Если в 1991 г. наши самолеты составляли 28% мирового парка гражданской авиации, то в 2015 г. — 1,05% [19].

Собственное станкостроение характеризует высокий уровень технического развития страны. В 1991 г. таких стран было 17, а Россия и Япония после США делили 2–3-е место. «В марте 1992 г. я с трудом пробился на прием к Гайдари с детально проработанным планом развития отрасли, — сообщает министр станкостроения Н. Паничев. — Но он даже смотреть ничего не стал, брезгливо сморщился: “Да кому нужны ваши дерьмовые станки? Понадобятся — мы все за рубежом купим”. Визит продолжался не больше минуты... В одной его фразе была сфокусирована программа уничтожения отечественной промышленности, перевода России из страны — производителя техники в страну-покупателя, что ставило нас в полную зависимость от Запада» [26, с. 314]. Реформы привели к потере более 100 тыс. предприятий.

За время Второй мировой войны валовый внутренний продукт в СССР сократился на 24%, за время с 1992 по 1996 г. ВВП в России сократился на 45%, а промышленное производство уменьшилось на 56%, даже страны третьего мира начали ее обходить. Происшедшая в 1990-х годах деиндустриализация превратила Россию в сырьевой придаток уже не только Запада, но и Востока.

Гайдар и сам видел неудачу реформ, но в отличие от большевиков, исправивших ошибку военного коммунизма и развернувших страну на 180 градусов, провозгласив НЭП, исправить ничего не мог. Если бескорыстным в то время большевикам не было что терять, то 4% выигравшим от реформ прежде всего олигархам было: к 1995 г., по данным Госдепартамента США, на офшорных счетах осело более 600 млрд долл. из России [38]. В том году Гайдар писал: «Не национализировать назад то, что уже стало “своим”, не вываливать же опять в общую кучу то, что успели распахать по карманам» [9, с. 193]. Это “распахать по карманам» Гайдара органично сочетается с “отхватили Россию” Ельцина.

Члены гайдаровского правительства постоянно подчеркивали, что их не интересуют источники обогащения новых русских собственников, главное — чтобы они как можно скорее обзавелись капиталом. Академик А. Некипелов в этой связи отмечает, что “реформаторы подводят общество к мысли о том, что хороши любые средства, если они способны продвинуть страны к рыночной экономике” [23, с. 307], что означает, по существу, отмену морали. Поэтому они часто ужасаются собой, что следует из характеристики Кохом Чубайса, своего соратника и покровителя: “Сантименты ему чужды, он нечувствителен к чужой боли. Пусть кругом все рушится, Чубайс пробивается к своей цели, невзирая на цену, которую придется заплатить. Иногда мне рядом с ним страшно... Он холоден и безразличен к людям как гробовщик” [12, с. 16].

Анализируя источники ущербной морали команды Гайдара, американский писатель Д. Сэттер, 14 лет проживший в России, пришел к выводу: «Большинство этих “молодых реформаторов” в советское время были работниками идеологической сферы, где в их задачи входило способствовать “построению коммунизма”. Хотя они были прозападно настроены, им постоянно приходилось выражать точку зрения, прямо противоположную их истинным взглядам. Результатом этого стала их моральная деградация, которая вызывала у них ненависть к россиянам вообще» [33, с. 47].

Любовь может быть безответной, но ненависть всегда взаимна, поэтому творцы “лихих” 1990-х не могли не чувствовать общественную атмосферу. Вот свидетельство директора по гуманитарным проектам РОСНАНО, президента “Союза правых сил” Л. Гозмана: “Я никогда не скрывал, а, наоборот, с гордостью говорил о своей принадлежности к команде Гайдара. А это самые ненавидимые люди в нашей стране” [21]. Это признание профессионала (Гозман — кандидат психологических наук) можно считать симптоматическим. Можно также предположить, что Гайдар как идеолог реформ испытывал **синдром Даннинга—Крюгера**.

В проведенном исследовании 1998 г. Д. Даннингом и Дж. Крюгером было описано состояние, которое психологи называют “peak of stupidity” (“пик глупости”), — самоощущение от собственной значимости, когда человек не способен осознавать всю глубину своей некомпетентности. Проблема пика глупости состоит в том, что с него очень болезненно спускаться, так как за ним следует “valley of despair” (“долина отчаяния”). “Человек так начинает понимать настоящую сложность задачи, которую он решает, и осознавать свою некомпетентность для

ее решения. Масштабы задачи начинают его подавлять, и он испытывает различные формы фрустрации — от замещения до депрессии” [39, с. 1121–1134].

В одном из своих последних телеинтервью (2 марта 2009 г. В. Познеру) Гайдар признался, что знает о ненависти к себе большинства населения России. Жить под подобным морально-психологическим прессом — тяжелое испытание даже для очень волевого и самодостаточного человека. Министр экономики в его правительстве А. Нечаев так писал о его кончине: “Гайдар понимал, что взваливает на себя крест, который ему пришлось нести всю жизнь. Фактически он свел его в могилу” [24].

Если Гайдар был идеологом реформ, то А. Чубайс — их реализатором, как глава Госкомимущества (ГКИ) и первый вице-премьер он провел приватизацию, в результате которой все богатство страны, созданное трудом многих поколений, часто ценой тяжелых лишений, перешло в руки узкой группы людей — “семибанкиршине”. В августе 1998 г. Россия впервые в своей истории оказалась государством-банкротом, рухнула созданная Чубайсом пирамида ГКО. Затем Чубайс возглавил РАО “ЕЭС России”, где в августе 2009 г. произошла авария на Саяно-Шушенской ГЭС — крупнейшая в истории России техногенная катастрофа. Погибло 75 человек, был разрушен самый мощный энергетический объект страны. В этот момент Чубайс уже руководил госкорпорацией РОСНАНО, которая за 12,5 года никаких новых технологий не представила, но уже через 7 лет убытки составили 232 млрд руб. [5]. Как тут не вспомнить индийского философа Шри Радгнеша (Ошо), который писал: “Вы слышали, что грешники отправляются в ад, но это не так. Наоборот, куда бы не попал грешник, он там создает ад” [24, с. 79].

Возглавивший в январе 1996 г. избирательный штаб Ельцина Чубайс передал ГКИ своему заместителю А. Коху, успешно проводившему залоговые аукционы. Чубайс признавался: “Самые ценные и крупные российские активы были переданы группе магнатов в обмен на займы и поддержку тяжело больного Ельцина на выборах 1996 года. Если бы мы не провели залоговые аукционы, то коммунисты выиграли бы выборы в 1996 году” [40].

В декабре 1997 г. на Коха были заведены уголовные дела. Спасаясь от преследования, он бежит в США, где издает книгу “The selling of the Soviet Empire” (“Распродажа Российской империи”), с подробным описанием, как он продавал наше национальное имущество. Там же Кох дал скандально знаменитое интервью радио WNMB, пронизанное

глубокой ненавистью к России и ее народу. Что объяснимо: для элиминации чувства вины грабитель должен испытывать неприязнь к ограбленному. Этот **психологический синдром** описан Ф. Рабле в знаменитом диалоге Панурга и Гаргантюа [30, с. 198]. В настоящее время Кох проживает в Германии.

Для полной характеристики младореформаторов стоит добавить еще одного персонажа — А. Вавилова, первого заместителя министра финансов (1992–1997 гг.). В сферу его ответственности входили разработка финансовой политики, госбюджет и выстраивание отношений с международными финансовыми организациями (Всемирным банком, МВФ, МБРР и др.), но главная компетенция Вавилова — от имени Минфина утверждать документы по залоговым аукционам. Ему принадлежит не только идея, но и организация “черного вторника” (катастрофического обвала рубля 11 октября 1994 г.). Афера вызвала столь широкое возмущение общественности, что премьер-министру РФ В. Черномырдину пришлось объявить Вавилову строгий выговор “за допущенную в октябре 1994 г. критическую ситуацию на финансовом рынке, создавшую угрозу экономической безопасности государства”. В 2001 г. Генпрокуратура возбудила против него уголовное дело (“хищение путем мошенничества в особо крупных размерах”). В мае 2005 г. Вавилов был назван журналом Forbes в числе 100 самых богатых россиян. Его состояние на тот период было оценено журналом в 700 млн долл. Только после кончины Ельцина в 2007 г. суд установил, что Вавилов присвоил 231 млн долл. Но так как преступление было совершено в 1995 г., то за давностью срока уголовное дело было закрыто. В настоящее время Вавилов, как и большинство младореформаторов, проживает в США.

В конце 1990-х годов стала приобретать реальные формы угроза распада России. “Семибанкирщина” и недееспособный президент настолько ослабили систему государственного управления, что начался стихийный процесс распада страны, в наиболее острых формах проявившийся в республиках Поволжья, на Урале и Дальнем Востоке. Сохранение территориальной целостности России было первой из накопленных за 10 лет деятельности реформаторов острейших проблем, с которыми летом 2000 г. столкнулся новый президент России В.В. Путин. В докладе на съезде партии “Единая Россия” 24 сентября 2011 г. В. Путин приравнял ущерб от экономических реформ к ущербу от Гражданской войны. Он сказал, что “осенью 2001 года страна лежала в разрухе, сравнимой с разрухой после Гражданской войны” [29].

ВЫВОДЫ

Человеческие качества реформаторов 1990-х годов не соответствовали масштабу задач, стоящих перед страной. Анализируя выбор Ельцина летом 1991 г., нельзя не вспомнить великого экономиста Дж. Кейнса, который еще в середине XX в. подчеркнул, что “сумасбродные политики, стоящие у власти, имеют гораздо большее значение в истории, чем об этом принято думать” [17, с. 58]. Гайдар и его команда — это был крайне неудачный для страны выбор. Вот как писал В. Ключевский о российских государственных деятелях петровских реформ: “В борьбе с самими собой, со своими привычками и предубеждениями они одержали несколько важных побед, облегчивших эту борьбу дальнейшим поколениям. Это была их бесспорная заслуга в деле подготовки реформы. Они подготавливали не только и не столько саму реформу, сколько самих себя, свои умы и совести к этой реформе” [14, с. 337]. На этом историческом фоне реформаторы 1990-х годов как по интеллектуальным, так и по моральным качествам являют собой особенно разительный контраст.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Авен П.* Время Березовского. М.: АСТ, 2017. 816 с.
2. *Авен П., Кох А.* Революция Гайдара: история реформ 90-х из первых рук. М.: Альпина Паблишер, 2013. 438 с.
3. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001. 288 с.
4. *Бурлацкий Ф.* Политическая наука и реальная политика: В 2 т. Т. 1. М.: Изд-во РГТЭУ, 2008. 293 с.
5. Бюллетень Счетной палаты. 2015. № 5 (209). С. 59.
6. *Валовой Д.* От Сталина и Рузвельта до Путина и Буша. М.: Терра, 2007. 443 с.
7. ВЦИОМ. 2014. Пресс-релиз № 2902. С. 4.
8. *Выжуртович В.* Первым реформаторам России стоит сказать спасибо // Российская газета. 2011. № 5636. 18 нояб. С. 3.
9. *Гайдар Е.* Государство и эволюция. М.: Евразия, 1995. 206 с.
10. *Гайдар Е.* Дни поражений и побед. М.: Вагриус, 1997. 365 с.
11. *Гайдар Е.* Власть и собственность. Смуты и институты. СПб.: Норма, 2009. 277 с.
12. *Гайдар Е.* Интервью // Медведь. 2007. № 9. С. 9–18.
13. *Давыдов О.* Российская элита: психологические портреты. М.: Ладомир, 2000. 319 с.
14. *Дробышева Т.В.* Психология экономической социализации личности. Основные формы и детерминанты. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2023. 560 с.
15. *Ельцин Б.Н.* Записки президента. М.: Огонек, 1994. 415 с.
16. *Журавлев А.Л., Поздняков В.П.* Социальная психология и экономические реформы в России // Психологический журнал. 2018. № 1. С. 15–25.
17. *Кейнс Дж.* Избранные произведения. М.: Экономика, 1993. 543 с.
18. *Ключевский В.О.* Исторические портреты. М.: Правда, 1991. 622 с.
19. *Круглова Е.Ю.* Прогнозирование рынка гражданской авиатехники // Российский внешнеэкономический вестник. 2015. № 110. С. 105.
20. *Манхейм К.* Избранное: Социология культуры. М.-СПб.: Университетская книга, 2000. 505 с.
21. *Мельман А.* Оппозиционер из “Кремль-ТВ” // Московский комсомолец. 2015. 25 дек. С. 6.
22. *Моисеев Н.* С мыслями о будущем России // Молодежное “Яблоко”. URL: <http://www.yabloko.ru/Union/MMYA/Moiseev/moiseev.html> (дата обращения: 13.06.2023).
23. *Некипелов А.Д.* Очерки по экономике посткоммунизма. М.: ИМЭПИ, 1996. 340 с.
24. *Нечаев А.* Интервью // Итоги. 2013. № 48. С. 34.
25. *Ошо.* Пульс абсолюта. Начало начал. М.: Нирвана, 1993. 416 с.
26. *Паничев Н.* Разлом: Записки министра СССР. М.: Русская новь, 2004. 397 с.
27. *Полторанин М.* Власть в тротильном эквиваленте. Наследие царя Бориса. М.: Эксмо: Алгоритм, 2010. 512 с.
28. *Прусак М.* Реформы в провинции. М.: Вече, 1999. 149 с.
29. *Путин В.* Доклад на съезде партии “Единая Россия” 24 сентября 2011 г. // Российская газета. 2011. 25 сент. С. 2.
30. *Рабле Ф.* Гаргантюа и Пантагрюэль. М.: Правда, 1956. 648 с.
31. *Сосланд А.* Сублимация, возвышение, транс. // Труды “Русской антропологической школы”. Вып. 6. М.: РГГУ, 2009. 522 с.
32. *Стиглиц Дж.* Глобализация: тревожные тенденции. М.: Мысль, 2003. 300 с.
33. *Сэттер Д.* Тьма на рассвете. М.: ОГИ, 2004. 335 с.
34. *Фукс-Хайнрих В.* Биографический метод / Биографический метод: история, методология, практика. М.: Институт социологии РАН, 1994. С. 11–41.
35. *Шевцова Л.* Режим Бориса Ельцина. М.: РОССПЭН, 1999. 535 с.
36. *Эмсен А., Макинтайр Р., Тейлор Л.* Стратегия эффективного перехода и шоковые методы реформи-

- рования российской экономики. Вып. 1. М.: Интриг-лигетор, 1997. 128 с.
37. Ясин Е.Г. Гайдар бессмертный: интервью // Московский комсомолец. 2010. 25 янв. С. 5.
38. Gordon M.R. Russia Drops Big Tariff Increase, Clearing Way for an I.M.F. Loan // The New York Times. 1996. 26 March. P. 9.
39. Dunning D., Kruger J. Unskilled and Unaware of It: How Difficulties in Recognizing One's Own Incompetence Lead to Inflated Self-Assessments // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. V. 77. № 6. P. 1121–1134.
40. Ostrovsky A. Father to the Oligarchs // The Financial Times. 2004. 13 Nov. P. 8–9.

RUSSIAN REFORMERS OF THE 1990s. (BIOGRAPHICAL RESEARCH EXPERIENCE)

R. H. Simonyan

*MGIMO MFA of Russia;
119454, Moscow, pr. Vernadskogo, 76, Russia.
ScD (Sociology), Professor, Chief Researcher of the Center for European Studies
of the Institute of International Studies.
E-mail: simonyan.renald@yandex.ru*

Received 14.06.2023

Abstract. In recent history, the triumph of the philosophical law on the increase of the subjective factor in social development is becoming particularly evident. In these conditions, psychology is becoming more and more in demand. The article examines the psychological mechanisms of appointment by the first President of Russia Boris Yeltsin of the head of the economic department of the newspaper “Pravda” E. Gaidar to lead the implementation of economic reforms in Russia. A psychological portrait of Gaidar and his associates is presented on the basis of the biographical method with the involvement of a wide source and factual materials. It is shown that the results of the Russian economic reforms carried out in the 1990s are a consequence of the human qualities of reformers — professional competence, value orientations and attitudes.

Keywords: analysis of texts and products of activity, personal characteristics, personality orientation.

REFERENCES

1. Aven P. Vremya Berezovskogo. Moscow: AST, 2017. 816 p. (In Russian)
2. Aven P., Koch A. Revolyuciya Gajdara. Moscow: Al'pina Publisher, 2015. 471 p. (In Russian)
3. Ananyev B.G. Chelovek kak predmet poznaniya. Saint Petersburg: Piter, 2001. 288 p. (In Russian)
4. Burlatsky F.M. Politicheskaya nauka i real'naya politika. In 2 v. V. 1. Moscow: Izd-vo RGTEU, 2008. 280 p. (In Russian)
5. Byulleten' Schetnoj palaty. 2015. № 5 (209). P. 59. (In Russian)
6. Valovoj D. Ot Stalina i Ruzvel'ta do Putina i Busha. Moscow: Terra, 2007. 443 p. (In Russian)
7. VCIOM. 2014. Press-reliz № 2902. P. 4. (In Russian)
8. Vyzhutovich V. Pervym reformatoram Rossii stoit skazat' spasibo. Rossijskaya gazeta. 2011. № 5636. 18 noyab. P. 3. (In Russian)
9. Gajdar E. Gosudarstvo i evolyuciya. Moscow: Evraziya, 1995. 206 p. (In Russian)
10. Gajdar E. Dni porazhenij i pobed. Moscow: Vagrius, 1997. 365 p. (In Russian)
11. Gaidar E. Vlast' i sobstvennost'. Smuty i instituty. Saint Petersburg: Norma, 2009. 331 p. (In Russian)
12. Gaidar E. Interv'yu. Zhurnal Medved'. 2007. № 9. P. 9–18. (In Russian)
13. Davydov O. Rossijskaya elita: psihologicheskie portrety. Moscow: Lodomir, 2000. 319 p. (In Russian)
14. Drobysheva T. Psihologiya ekonomicheskoy socializacii lichnosti. Osnovnye formy i determinanty. Moscow: Izd-vo “Institut psikhologii RAN”, 2023. 560 p. (In Russian)
15. Yeltsin B.N. Zapiski prezidenta. Moscow: Ogonyok, 1994. 415 p. (In Russian)
16. Zhuravlev A., Pozdnyakov V. Social'naya psihologiya i ekonomicheskie reformy v Rossii. Psykhologicheskii jurnal. 2018. № 1. P. 25–35. (In Russian)

17. Keins D. Izbrannye proizvedeniya. Moscow: Ekonomika, 1993. 543 p. (In Russian)
18. Klyuchevskij V. Istoricheskie portrety. Moscow: Pravda, 1991. 622 p. (In Russian)
19. Kruglova E. Yu. Prognozirovanie rynka grazhdanskoj aviatekhniki. Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik. 2015. № 110. P. 105. (In Russian)
20. Manheim K. Izbrannoe: Sociologiya kul'tury. Moscow-Sankt Peterburg: Universitetskaya kniga, 2000. 505 p. (In Russian)
21. Mel'man A. Oppozicioner iz "Kreml'-TV". Moskovskij komsomolec. 2015. 25 dek. P. 6. (In Russian)
22. Moiseev N. Molodyojnoe "Yabloko". URL: <http://www.yabloko.ru/Union/MMYA/Moiseev/moiseev.htm> (date of access: 13.06.2023). (In Russian)
23. Nekipelov A. Oчерki po ekonomike postkommunizma. Moscow: IMEPI, 1996. 340 p. (In Russian)
24. Nechaev A. Interv'yu. Itogi. 2013. № 48. P. 34. (In Russian)
25. Osho Pul's Absolyuta. Nachalo nachal. Moscow: Nirvana, 1993. 416 p. (In Russian)
26. Panichev N. Razlom: Zapiski ministra SSSR. Moscow: Russkaya nov', 2004. 397 p. (In Russian)
27. Poltoranin M. Vlast' v trotilovom ekvivalente. Nasledie carya Borisa. Moscow: Eksmo: Algoritm, 2010. 512 p. (In Russian)
28. Prusak M. Reformy v provincii. Moscow: Veche, 1999. 159 p. (In Russian)
29. Putin V. Doklad na s"ezde partii "Edinaya Rossiya" 24 sentyabrya 2011 g. Rossijskaya gazeta. 2011. 25 sent. P. 2. (In Russian)
30. Rabelais F. Gargantuya i Pantagryuehl'. Moscow: Pravda, 1956. 648 p. (In Russian)
31. Sosland A. Sublimaciya, vozvyshenie, trans. Trudy "Rosskoj antropologicheskoy shkoly". V. 6. Moscow: RGGU, 2009. 522 p. (In Russian)
32. Stiglic Dzh. Globalizaciya: trevozhnye tendencii. Moscow: Mysl, 2003. 300 p. (In Russian)
33. Setter D. T'ma na rassvete. Moscow: OGI, 2004. 335 p. (In Russian)
34. Fuks-Hajnruc V. Biograficheskij metod. Istoriya, metodologiya, praktika. Moscow: Institut sociologii RAN, 1994. P. 11–41. (In Russian)
35. Shevcova L. Rezhim Borisa El'cina. Moscow: ROSSPEN, 1999. 535 p. (In Russian)
36. Emsden A., Makintajr R., Tejlor L. Strategiya effektivnogo perekhoda i shokovye metody reformirovaniya rossijskoj ekonomiki. V. 1. Moscow: Intriligejtor, 1997. 128 p. (In Russian)
37. Yasin E.G. Gajdar bessmertnyj: interv'yu. Moskovskij komsomolec. 2010. 25 yanv. P. 5. (In Russian)
38. Gordon M.R. Russia Drops Big Tariff Increase, Clearing Way for an I.M.F. Loan. The New York Times. 1996. 26 March. P. 9.
39. Dunning D., Kruger J. Unskilled and Unaware of It: How Difficulties in Recognizing One's Own Incompetence Lead to Inflated Self-Assessments. Journal of Personality and Social Psychology. V. 77. № 6. P. 1121–1134.
40. Ostrovsky A. Father to the Oligarchs. The Financial Times. 2004. 13 Nov. P. 8–9.